

отменяют этим самый матриархат, сводя его, вопреки Энгельсу, Ленину, Сталину, только к материнскому счёту родства и увековечивая господство в семье мужчины (брата матери) и подчиненное положение женщины, т. е. делают то же, что и современные буржуазные авторы, против которых направлена статья Косвена. Несколько слабее статья «Семейная община», но в ней имеется то же стремление — показать институты первобытного общества в их развитии. Обвинение М. О. Косвена в идеализации семейной общины вряд ли можно принять. Его характеристика ранней формы семейной общины почти дословно совпадает с характеристикой Энгельса. Наоборот, серьезно ошибается проф. Равдоникас, нарисовавший в своей книге «История первобытного общества», т. II, нарочито мрачную, можно сказать — садистическую картину жестокости, кровожадности, якобы свойственной человеку низшей ступени варварства. Из того бесспорного факта, что у истоков человеческой истории не было никакого «золотого века», отнюдь не следует, что у этих истоков надо помещать, вслед за идеологами современного империализма, какой-то первобытный Майданек или Освенцим, — а так именно получается у проф. Равдоникаса.

Из серьезных ошибок, действительно допущенных проф. Косвеном в обсуждаемых статьях, С. П. Толстов указал прежде всего на грубую ошибку в статье «Бакофен и русская наука». Здесь М. О. Косвен отступил от принципа партийности в вопросах историографии, не показал общественно-идеологического лица отдельных представителей русской науки, общественных основ ее различных течений. М. О. Косвен поддавался здесь теории «единого потока», недооценил и не показал значения периода зарождения ленинизма в развитии русской этнографической науки. В другой статье М. О. Косвен не счит нужным сообщить читателю о взглядах Ф. Энгельса на авукулат. Ряд подобного рода ошибок свидетельствует, по мнению С. П. Толстова, о том, что прав С. А. Токарев, указавший, что в работах проф. Косвена сохранились серьезные пережитки «дурного академизма», «академического снобизма», недопустимые для советского ученого, долг которого пропагандировать учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, постоянно указывать на тот огромный вклад, который сделали классики марксизма-ленинизма в нашу науку. Эти пережитки дурного академизма находятся в противоречии с основной исследовательской линией проф. Косвена. М. О. Косвен, признавший эти свои ошибки, должен изжить их, и чем скорее, тем лучше. Большая часть вины за эти ошибки падает на редакцию журнала «Советская этнография» и руководство Института, обязанностью которых было помочь здесь М. О. Косвену и которые сами проглядели этот серьезный недостаток в его статьях. Справедливость требует указать, что в той или иной мере аналогичные ошибки имели место и в историографических статьях Н. Н. Степанова и С. А. Токарева и тоже остались незамеченными и неисправленными редакцией.

Несмотря на то, что по некоторым поднятым на дискуссии вопросам общая точка зрения не достигнута, сказал проф. Толстов, нужно признать, что назревшие большие вопросы, связанные с работами одного из виднейших представителей советской этнографии, получили широкое, всестороннее обсуждение, в ходе которого был правильно вскрыт ряд недостатков, осознанных теперь и самим проф. Косвеном. М. О. Косвен учтет сделанные ему ценные указания. Редакция также сделает на будущее серьезные выводы для себя по линии более строгого подхода к помещаемым статьям и помощи авторам в их работе. В заключение С. П. Толстов выразил сожаление, что теоретическими проблемами первобытности занимаются лишь единицы, это снижает качество и темпы теоретической работы в области общей этнографии. Несомненно, настоящее обсуждение привлечет к разработке проблем первобытной истории новые силы советских этнографов.

И. Золотаревская

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

27 апреля 1948 г. А. Н. Рейнсон-Правдин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Игра и игрушка народов обского севера». Автор поставил себе целью выявить социальную значимость игры и игрушки этих народов, вскрыть обуславлившие их развитие социальные корни, выяснить формы, содержание и функции игры и игрушки и их тесную связь с трудовыми процессами, искусством, религией на различных этапах исторического развития обских народов. Игра и игрушка, доказывает автор, отражают общественно-экономический строй данного народа, его мировоззрение, культуру; основные функции игры и игрушки — содействовать выработке у детей необходимых для их будущей деятельности физических качеств, передать потомству приобретенные трудовые навыки, культуру и опыт общественной жизни старших поколений. Опираясь на исследованный материал, А. Н. Правдин опровергает абстрактные идеалистические теории происхождения игры и игрушки, идущие от тезиса о бесполозности их (теории «игры от избытка сил», «игры-удовольствия» и др.). На конкретном материале обских народов, не имевших письменности, автор показал, что для них игра и игрушка, наряду с фольклором, были основными средствами передачи детям навыков мужского и женского труда и традиций национального искусства. В ходе исторического процесса, устанавливает автор, содержание, формы и функции игры и игрушки изменяются; спадают религиозные

запреты, обуславливавшиеся пережитками тотемизма и анимистическими воззрениями (запреты на изображение в игрушке человеческой фигуры и почитаемых животных). Игра, игрушка и детский рисунок социалистической эпохи, заканчивает автор свое исследование, ярко показывая, как социалистический строй, изменив экономику обских народов, освободил и их сознание от старых представлений и открыл широкий путь всестороннему развитию детей советского севера. Официальные оппоненты — доктор исторических наук А. П. Смирнов и доктор исторических наук Н. Н. Чебоксаров, — подробно разобрав содержание представленной диссертации, охарактеризовали ее как ценный вклад в советскую этнографическую науку; работа, построенная на большом количестве археологических и этнографических данных, в значительной части собранных лично автором и дополненных тщательным изучением музейных коллекций и литературных источников, дает много нового фактического материала и убедительно освещает его с материалистических позиций. Значение работы не ограничивается ее этнографической стороной, ибо в ней дается конкретный материал для решения общих социально-исторических и психологических проблем игры и игрушки. А. П. Смирнов, полностью соглашаясь с основными положениями автора, в своих замечаниях коснулся лишь некоторых частных вопросов. Так, он считает спорным утверждение диссертанта о невозможности определить очаги возникновения некоторых игрушек, свойственных детям всего мира (мячи, волчки, погремушки), а также отношение этих игрушек к числу пережитков магических обрядов или предметов культа, связанных с древними процессами труда; имеющийся археологический материал, заметил оппонент (погремушки, найденные в Прикамье и Приобье), показывают, что в эпоху раннего и позднего железа они имели значение только игрушек. Привлекая внимание к исследованию археологического материала (сопоставление ненецких кукол с антропоморфными чудскими изображениями), оппонент выразил сожаление, что автор не привлек его в данном случае более широко, ибо сопоставление археологических и этнографических данных позволило бы полнее интерпретировать и чудские изображения. Н. Н. Чебоксаров коснулся в своих замечаниях главным образом исторической части работы. В историческом введении, отметил он, автор, ярко вскрывая губительные последствия колониальной политики царизма, недостаточно показал положительные результаты культурного взаимодействия народов обского севера с русскими. Отдельные данные о культурном влиянии русских на ненцев, хантов, манси имеются в других главах работы, но отсутствие их именно в историческом введении делает его несколько односторонним. Недостаточно внимания, по мнению оппонента, уделил автор сравнительной характеристике игры и игрушки у отдельных обских народов. Встречаются в работе, указал далее Н. Н. Чебоксаров, некоторые неточности историко-этнографического характера; так, например, он не может согласиться с утверждением автора о том, что лук и стрелы были самым действенным и надежным оружием обского охотника вплоть до предреволюционного времени; по мнению оппонента, еще задолго до Октябрьской революции таким основным оружием было ружье, хотя и кремневое, а лук уже отошел в область преданий. В своем ответном слове А. Н. Правдин ответил это замечание, сославшись на большое количество имеющегося в его распоряжении фактического материала, доказывающего правильность его утверждения. Все сделанные замечания — частного порядка, сказал в заключение Н. Н. Чебоксаров, и не снижают значения представленной работы, которая дает полное основание присудить автору искомую степень. А. Н. Рейсон-Правдину единогласно присуждена степень кандидата исторических наук.

25 мая 1948 г. защитила кандидатскую диссертацию окончившая аспирантуру Института этнографии Л. А. Молчанова. Диссертация озаглавлена: «Народные меры длины». Официальными оппонентами выступили доктор географических наук В. В. Богданов и доктор исторических наук Б. А. Рыбаков. Диссертантка поставила себе задачей дать научную классификацию народных мер длины, в основу которой ею положен принцип происхождения меры в связи с тем или иным трудовым процессом. Эта мысль автора, сказал В. В. Богданов, заслуживает особого внимания, так как все исследование ставится на материалистическую базу; существующая метрологическая литература освещается в новом аспекте материалистического понимания народных линейных мер. Диссертантка исследовала меры и измерители разных категорий: меры пространственных расстояний «на глаз» и «на слух»; меры, совпадающие с частями человеческого тела или имеющие в своей основе движения отдельных частей тела; меры, связанные с условиями передвижения, с выносливостью транспортных животных; меры, определяемые временем, и др. Выявлены меры, обслуживавшие потребности людей, связанных с различными занятиями, — охотников, рыболовов, земледельцев, ткачей и т. д. На ряде примеров диссертантка показывает, как отдельные меры постепенно теряют свою связь с конкретным производством, на основе которого они возникли, абстрагируются от него, видоизменяются применительно к городскому быту, к потребностям государства. Отмечая чрезвычайную пестроту и обилие народных мер длины, диссертантка показывает решающую роль торговли в установлении единообразия и постоянства мер, закрепляемых с превращением их из народных в государственные. В упрек диссертантке В. В. Богданов поставил то, что она не проводит четкого различия между мерами и измерителем; это привело к некоторым неясностям в определении народных линейных мер. В своем ответном слове Л. А. Молчанова отстаивала свою точку зрения, ибо анализ материала привел ее к выводу, что в народных мерах

резкой грани между мерой и измерителем не проводится, что здесь наблюдается единство между наименованием меры и ее реальным выражением (как, например, «локоть»); в государственных мерах это единство теряется, и в этом диссертантка видит принципиальное отличие их от мер народных. Другим минусом работы В. В. Богданов считает недостаточную полноту этнографических данных, приводимых диссертанткой для подкрепления выдвинутых ею положений; этот недочет оппонент объясняет крайней скудостью источников и неразработанностью в литературе вопросов народной метрологии. В целом же, подчеркнул проф. Богданов, диссертация насыщена интересным содержанием и представляет собой значительный вклад в науку; ценность ее определяется новой, материалистической постановкой вопроса. Б. А. Рыбаков, целиком присоединяясь к общей оценке работы, данной В. В. Богдановым, остановился главным образом на имеющихся в ней пробелах и спорных положениях. Одним из основных пробелов он считает отсутствие в работе раздела о народной архитектуре, тогда как меры длины прежде и точнее всего сказываются в зодчестве. Крестьянское жилище дает в этом отношении обширнейший материал, различающийся по областям и позволяющий значительно полнее представить себе народную метрологию. Другим недочетом работы оппонент считает то, что диссертантка не дала числовых выражений приводимых ею мер, между тем как абсолютные размеры чрезвычайно важны в вопросах метрологии, и этнографические данные из этой области представляют огромный интерес. Не разработан диссертанткой вопрос об областных различиях мер (меры киевские, смоленские, новгородские и др.) и о пестроте мер внутри одной области (сажень городской и лавочная). Решительно возражал оппонент против отрицания диссертанткой кратности мер, происходящих от частей человеческого тела. Б. А. Рыбаков указал на результаты своих исследований материалов XI—XVII вв., приведших его к выводу, что все существовавшие в этот период системы мер четко построены по принципу кратности 2, 4 и т. д., позволяющему легче всего практически осуществлять деление. Касаясь вопроса о взаимоотношениях официальной и народной метрологии, Б. А. Рыбаков указал, что они за редкими исключениями не были противоречивы, как это пытаются представить диссертантка. Обычно официальная метрология канонизировала только те меры, которые существовали в народе. Лишь в XVI в. наступил известный конфликт между обеими системами, но народная метрология оказалась очень живучей. Несмотря на указанные пробелы, сказал проф. Рыбаков, работа Л. А. Молчановой представляет большую ценность, так как в ней впервые собран и приведен в систему обширный и разнообразный материал и дана научная классификация мер на основе четко проведенного производственного признака. Диссертантке присуждена степень кандидата исторических наук.

25 мая 1948 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук директором краеведческого музея в Гори С. И. Макалатия на тему «Этнография картвельских племен». Работа состоит из ряда этнографических монографий, посвященных отдельным грузинским племенам и написанных в разное время. Официальными оппонентами были: доктор филологических наук Н. Ф. Яковлев, доктор исторических наук М. О. Косвен и доктор исторических наук С. П. Толстов. Все оппоненты отметили, что обсуждаемая диссертация, хотя и носит в основном описательный характер, представляет собой капитальный труд, являющийся плодом многолетней работы автора, результатом его многочисленных экспедиций во все подвергнутые исследованию районы; следует приветствовать появление такой работы, тем более — на русском языке, что делает ее доступной широкому кругу этнографов. «Работа С. И. Макалатия, — сказал проф. Яковлев, — носит настолько монументальный, свежий описательно-фотографический характер, что будет интересна для всех, кто работает в области этнографии Кавказа, и ей не грозит опасность устареть». Для лингвистов, продолжал оппонент, эта работа также представляет большой интерес, так как в ней даны не только этнографические сведения, но и терминология на местных языках; этот богатейший материал при лингвистическом анализе должен дать очень интересные выводы. Материал, вошедший в работу С. И. Макалатия, сказал проф. Толстов, очень интересен и для подавляющего большинства советских этнографов совершенно нов. Многие из этого материала быстро войдет в широкий оборот этнографических исследований. С. П. Толстов напомнил о том месте, которое занимает проблема социального строя грузинских горных племен в работах Энгельса. «Проблема эта, — указал проф. Толстов, — продолжает оставаться чрезвычайно существенной для истории поздних форм первобытно-общинной организации, первобытно-общинного уклада, существовавшего в рамках феодального и позднейшего общества Кавказа и в частности Грузии». Очень ценен собранный С. И. Макалатия материал по народным верованиям, тесно связанный с проблемой социальной организации; таков, например, раздел, посвященный пережиткам культуры Митры и его аналогам. Для всех исследователей, работающих не только по этнографии Грузии и Кавказа, но и занимающихся проблемами религии Востока, этот материал представляет большой интерес, проливая свет на многие вопросы, касающиеся древнего митраизма и не освещенные историческими источниками. С. П. Толстов целиком присоединился к мнению Н. Ф. Яковлева о том, что описательный характер представленной работы не может служить основанием для отвода ее в качестве докторской диссертации, ибо комплексная описательная этнография, — если описание проведено систематически и с марксистских позиций, хорошо документировано и иллюстрировано, — представляет

собой один из важнейших разделов этнографической науки. В качестве примера такой работы проф. Толстов привел книгу В. Г. Богоразы «Чукчи», принесшую автору мировую известность. К недостаткам работы оппоненты отнесли в первую очередь ее конструктивные недочеты, в значительной мере объясняющиеся разновременным написанием ее отдельных частей. Самое название работы «Этнография картвельских племен», указал М. О. Косвен, не отвечает содержанию, поскольку описана только часть этих племен и не затронуты Восточная и Центральная Грузия. Отдельные монографии, из которых состоит работа, построены неодинаково. Описание верований, обрядов и обычаев, занимающее, по мнению М. О. Косвена, несоответственно большое место в работе, недостаточно увязано с описанием материальной культуры и общественного строя. В упрек автору проф. Яковлев поставил неправильную оценку русских исследователей Кавказа и Закавказья, квалификацию их работ как «руссификаторских». Недостаточно использовал автор высказывания о Кавказе классиков марксизма-ленинизма, особенно Ленина и Сталина, где они специально касаются экономического и общественного развития Кавказа. Существенным недостатком работы оппоненты считают то, что в ней не показано воздействие колхозного строя на быт и национальные особенности грузин; с другой стороны,—приводится множество архаизмов, создающих впечатление о большой отсталости горных грузинских племен, из контекста же неясно, к какому времени относится то или иное описание. Поскольку работа построена как совокупность отдельных этнографических монографий, указал проф. Толстов, ее следовало объединить введением или заключением, в котором были бы даны выводы о взаимоотношениях отдельных групп грузинского народа и о перспективах их национальной консолидации, показать, чем обусловлены этнографические особенности отдельных групп и что имеется общего в их культуре.

В прениях выступил тов. Столетов (Союз Советских Писателей), заявивший, что, хотя он является не этнографом, а литературоведом, тем не менее книга С. И. Макалатия дала ему очень многое. Книга насыщена не только описанием обычаев и обрядов грузин, но и извлечениями из поэтических источников, содержит много материала из грузинской литературы. Приведенными в ней материалами уже пользуются при переводе грузинских поэтических произведений. Далее выступил заведующий Этнографическим отделом Института истории Академии Наук Грузинской ССР проф. Г. С. Читая, приведший ряд возражений против обсуждаемой диссертации, представляющей собой, по его мнению, собрание сырого, хотя и обширного материала, зачастую не нового, взятого иногда из местных журналов и газет; в работе не всегда можно различить, какой материал оригинальный, а какой — заимствован из других работ. Материал собран не комплексным методом, принятым в современной этнографии, и не всегда достоверен. В теоретическом отношении, заявил проф. Читая, работа не дает ничего нового. Так, например, автор устанавливает уже известный факт, что грузинские племена прошли родовой строй, но не показывает, какие стадии прошел этот строй, когда он былтовал, в каких формах родовой уклад сосуществовал с феодальным, а затем с капиталистическим обществом. Представленная работа, по мнению проф. Читая, не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторской диссертации.

В своем заключительном слове диссертант согласился с замечаниями официальных оппонентов, касающимися недостатков построения работы. Однако, указал он, это может относиться только к сокращенному русскому переводу, сделанному с целью дать возможность русским исследователям ознакомиться с собранными им материалами. В грузинском оригинале, более полном, этнографические материалы тесно увязываются с данными по экономике и истории. Если в работе недостаточно показаны изменения, внесенные в быт грузин колхозным строем, то надо иметь в виду, что отдельные книги написаны в то время, когда колхозное движение еще только начиналось. Все же в некоторых монографиях, как например, в «Истории Мегрелии», роль колхозов достаточно показана, но это также опущено в русском переводе. Отводя упрек проф. Яковлева, С. И. Макалатия указал, что руссификаторами он называет не всех русских исследователей Грузии, а лишь таких, как Грен или Певцов, который пытался доказать, что мегрельцы не грузины, а потому у них должен быть не грузинский алфавит, а русский. Отвечая проф. Читая, диссертант подчеркнул, что при сборании и исследовании материала он пользовался принятым в советской этнографии комплексным методом; подавляющее большинство материалов собрано им лично, в тех же случаях, когда он пользовался материалом других исследователей, он это соответствующим образом оговорил. Им написаны 8 монографий, и ни одна из них до сих пор не была подвергнута критике ни со стороны самого проф. Читая, ни со стороны других казаведов. Выступивший после диссертанта проф. В. К. Никольский отметил, что возникшие недоумения по поводу того, что диссертация якобы написана на материалах, собранных не самим автором, рассеяны. То, что часть материала не нова, вполне естественно в таком монументальном труде. Недоумения, проявившиеся на диспуте, объясняются тем, что работа, представленная в русском переводе, не адекватна грузинскому оригиналу. Но советские этнографы, для подавляющего большинства которых грузинская литература недоступна, должны быть благодарны диссертанту за тот обширнейший материал, который содержится в его работе. Рассматривая вопрос о присуждении С. И. Макалатия докторской степени, подчеркнул В. К. Никольский, необходимо учитывать совокупность всего того, что сделано им за долгие годы работы в области этнографии Кавказа. Диссертанту присуждена искомая степень.

8 июня 1948 г. в Институте этнографии защитила кандидатскую диссертацию ассистентка кафедры этнографии Восточного факультета Ленинградского гос. университета М. С. Долгоносова. Диссертация озаглавлена: «Учение Тэйлора о пережитках». Однако, как отметили официальные оппоненты — проф. С. А. Токарев и доцент Б. И. Шаревская, содержание представленной работы выходит далеко за рамки ее заглавия. Диссертантка вскрыла несостоятельность концепции Тэйлора, которой должно быть противопоставлено понимание пережитков, исходящее из учения марксизма-ленинизма о соотношении общественного бытия и общественного сознания, из указаний товарища Сталина об отставании развития сознания людей от развития материальных условий их существования, о необходимости непримиримой борьбы с пережитками в сознании, борьбы за ликвидацию фактической отсталости отдельных народов. Давая критический обзор учений предшественников Тэйлора, диссертантка указала на русского исследователя К. Д. Кавелина, который еще за четверть века до Тэйлора, в 1846 г., выдвинул теорию «остатков», в противоположность Тэйлору трактуя их как явление историческое и не ограничивая его узкой областью эволюции культуры. Чтобы выяснить состояние в советской науке вопроса о пережитках, отметил проф. Токарев, диссертантка привлекла обширную этнографическую и публицистическую литературу, отражающую ход борьбы с пережитками в отдельных национальных республиках и областях. В работе приведено много конкретных фактов, иллюстрирующих социальный вред различных пережитков, сохранившихся у отдельных народов СССР; М. С. Долгоносова правильно решает вопрос о причинах сохранения пережитков в экономике и сознании людей, четко разграничивая эти причины и доказывая, что они не одинаковы в классовом и социалистическом обществе. Диссертантка, отметила Б. И. Шаревская, показала коренное различие в подходе к пережиткам у Тэйлора и у советских этнографов: Тэйлор, стоя на «этнографической», как он говорил, а по существу на позитивистской, типичной для буржуазных ученых позиции, намеренно отказывался от характеристики пережитков как социально вредных явлений; созданное советскими этнографами учение о пережитках выявляет тормозящую роль последних и исследует пути их преодоления. М. С. Долгоносова, отметила далее оппонентка, правильно указала на антиисторичность эволюционизма и самого Тэйлора, но данная ею критика эволюционной школы недостаточна глубока и остра. Следовало показать идеальность всей концепции Тэйлора и эволюционной школы, указать на то, что Тэйлор, вместе с Мэнном, Леббокэм, Мак Леннаном и другими эволюционистами, пытался опорочить выводы Л. Г. Моргана путем искажения этнографических фактов. Еще менее удовлетворяет оппонентку данная в работе критика функциональной школы, не вскрывающая всю реакционную роль этого направления, приверженцы которого откровенно поставили себя на службу колониальной политике британского империализма. Не разъяснен также реакционный смысл антиэволюционизма в американской этнографии. Диссертантка прошла мимо такого факта, что в современной буржуазной этнографической науке и практике «невинные» суеверия игнорируются, а пережитки, помогающие колониальной администрации закабалять угнетаемые народы, сознательно культивируются. Считая вполне правильным понимание М. С. Долгоносовой пережитков как определенных социальных или культурных явлений, оба оппонента возражали против того, что диссертантка приписывает этим явлениям прогрессивную роль в прошлом, ибо ряд пережитков и в прошлом такой роли не играл (как, например, религия). Выступивший в прениях проф. В. К. Никольский поддержал данную официальными оппонентами высокую оценку обсуждаемой диссертации как ценной и актуальной работы, ярко выявляющей заслуги русской и, особенно, советской этнографической науки. Диссертантке единогласно присуждена искомая степень.

В тот же день, 8 июня 1948 г., защищена кандидатская диссертация научным сотрудником Института этнографии З. А. Никольской на тему «Родовые формы и отношения у аварцев в XIX в.». Официальными оппонентами выступили доктор исторических наук В. К. Никольский и кандидат исторических наук Е. М. Шиллинг. Основной задачей работы было исследование структуры патриархального рода у аварцев, его основных общественных форм: семьи, патрионии, более широкой родственной группы, условно обозначаемой термином «фамилия», рода в широком смысле, племени и союза племен. В основу исследования положены преимущественно материалы, собранные лично автором во время полевой работы в 1944—1945 гг. путем опроса большого числа информаторов-аварцев, путем обследования старинных аварских жилищ, оборонительных сооружений, планировки аулов, отдельных кварталов и др. Помимо того, к исследованию привлечен большой архивный материал и использован ряд литературных источников, хотя, как отметили и оппоненты и сама диссертантка в своем историографическом обзоре, литературные сведения, касающиеся исследуемой темы, крайне скудны, отрывочны и во многих случаях неверны. На фоне этих немногочисленных сведений о социальном строе аварцев, сказал Е. М. Шиллинг, работа З. А. Никольской выступает как солидный труд, вводящий в научный оборот ценные и до сих пор не известные материалы и дающий оригинальную их интерпретацию. Очень значительна глава о большой семье, самое существование которой в прошлом у аварцев впервые доказано диссертанткой на основании собранного ею богатого фактического материала, иллюстрирующего быт и структуру аварской большой семьи. Однако изложение процесса трансформации большой семьи, по мнению

оппонентов, требует большей ясности и конкретизации. То же относится и к славе о патронимии и других родственных коллективах, представляющей большой интерес, но требующей уточнения в терминологии и деталях. Возражал Е. М. Шиллинг против стожествления диссертанткой понятий «бо» и племени, ибо в ряде случаев «бо» представляют собой разноплеменные, разноязычные коллективы. Глава о религиозных пережитках, содержащая много нового, до сих пор не зафиксированных данных, по мнению оппонента, слишком сжата. Очень интересна, отметил Е. М. Шиллинг, предложенная диссертанткой гипотеза о происхождении эндогамии у аварцев; особенно ценны тщательно подобранные и интерпретированные материалы, вскрывающие наличие у аварцев остатков первичной экзогамии и устанавливающие вторичность эндогамных порядков. Проф. Никольский, считая совершенно бесспорной главу о племени («бо»), не может согласиться с диссертанткой в вопросе о патронимии: он относит коллектив «цо рукъалгул Гадамал» не к патриархально-родовому строю, а к уже разрушающемуся патриархальному или даже к классовому обществу. Оппоненту осталась неясной концепция диссертантки относительно даваемой ею сложной схемы структуры патриархального рода — идет ли здесь речь о последней стадии доклассового общества или о разрушении патриархального рода в рамках общества классового. В своем ответном слове З. А. Никольская выразила свое полное согласие с тем, что патронимия типа «цо рукъалгул Гадамал» появляется уже при разложении родового строя, поскольку она состоит из ряда малых патриархальных семей; но, заявив диссертантка, «я стремилась показать, что и в патриархально-родовом обществе патронимия являлась его основной ячейкой, хотя иного типа, чем указанная выше; она состояла из больших семей и называлась кыбил». Не располагая данными по другим народам для широких обобщений, диссертантка, по ее словам, в своих выводах исходила из конкретного аварского материала, находящего себе подтверждение в материалах по Грузии и заставляющего пересмотреть представление о патриархальном роде как неделимом моновитном коллективе. Оппоненты высказали пожелание о скорейшем опубликовании обсуждаемой работы, представляющей значительный интерес и восполняющей имеющийся в литературе пробел по вопросу об общественном строе аварцев. З. А. Никольской единогласно присуждена исковая степень.

15 июня 1948 г. защитила кандидатскую диссертацию окончившая аспирантуру Института этнографии Т. В. Станюкович. В представленной работе, озаглавленной «Жилище русских переселенцев в Средней Азии», диссертантка поставила себе целью исследовать одну из важнейших сторон материальной культуры этой мало изученной группы восточнославянского населения, образовавшейся в результате переселения в Среднюю Азию некоторой части русских, украинцев, белоруссов. Переселение это началось с 60-х годов прошлого столетия и продолжалось вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Будучи в течение нескольких десятилетий оторванными от основной массы своего народа, эти переселенцы сохранили в быту ряд архаических черт, представляющих значительный интерес для историков и лингвистов. Наряду с этим необходимость приспособления к новым условиям жизни и влияние культуры окружающего населения внесли много изменений в быт переселенцев, которые со своей стороны оказывали обратное воздействие на культуру аборигенного населения (казахов, узбеков, киргиз). Все это делает данную группу очень интересным объектом исследования. Как отметили официальные оппоненты — доктор исторических наук Н. Н. Чебоксаров и доктор искусствоведческих наук К. А. Соловьев, диссертантка успешно справилась с поставленными задачами. В своей работе она подробно исследует планировку переселенческих поселков и усадеб, технику постройки и строительный материал, тщательно описывает различные формы жилища переселенцев, начиная с временных шалашей и землянок, создававшихся в первый период устройства на новых местах, описывает планировку домов и особенно их внешнюю и внутреннюю отделку, уделяя большое внимание анализу художественно-декоративных приемов — пропиленной резьбы и полихромной росписи. При этом диссертантка приводит интересный материал, показывающий большое влияние переселенцев на строительную деятельность местного населения. Значительный интерес, сказал Н. Н. Чебоксаров, представляет заключительная часть работы, где автор проводит сравнение между русскими переселенцами в Среднюю Азию и другими окраинными группами русского населения, обосновавшимися на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Автор подвергает справедливой критике теорию «застоя» — теорию о том, что русские, переселившись на окраины, якобы законсервировались на культурном уровне XVII — XVIII вв. Диссертантка на конкретном материале, собранном ею лично и взятом из литературных источников, показывает, что законсервировано было лишь то, что оказалось полезным в новых условиях; в целом же культура переселенцев продолжала развиваться по своему основному направлению. Большой удачей диссертантки оппоненты считают то, что она, доводя свое исследование до нашего времени, прослеживает новые черты в быту как переселенцев, так и местного населения, связанные с социалистическим переустройством экономики и культуры народов Средней Азии. Подробно осветив положительные стороны работы, оппоненты указали на имеющиеся в ней недочеты и спорные положения. Диссертантка, сказал К. А. Соловьев, указывает на то, что под влиянием новых условий этнические особенности русских, украинцев, белоруссов настолько

нивелировались, что в настоящее время «переселенцы в Средней Азии представляют собой единую однородную массу». По мнению диссертантки, этот процесс нивелировки идет не только вследствие сильнейшего взаимодействия этих славянских групп, но и под влиянием географических и хозяйственных условий и постоянного общения с местным населением. Такое категорическое и притом априорное утверждение, подчеркнул оппонент, может привести к географизму, с одной стороны, и к игнорированию национальных особенностей.— с другой. Очень подробному разбору подверг К. А. Соловьев данное в диссертации описание внешней и внутренней отделки жилища. Но, сказал он, вскрывая давность пропиленной резьбы, автор совершает ошибку, тесно связывая ее с современной резьбой, ибо техника, инструментарий и орнаментика XVI в. очень далеки от современных. Ошибается автор в своем утверждении, что художественные приемы росписи идут исключительно от украинцев и что в местах, где преобладает русское население, роспись отсутствует; русскому народу полихромия так же свойственна, как и резьба и пластика. Вызывает возражения предлагаемая диссертанткой классификация типов застроек, а также типов жилого дома, сказал Н. Н. Чебоксаров. Так, в рубрику «трехкамерного дома» включены типы совершенно разного происхождения: с одной стороны, действительно старинное трехраздельное жилище (хата + сени + комора), с другой стороны,— вторично перегороденная изба типа русского пятистенка, в условиях теплового климата Средней Азии утратившая сени. Имеется в работе и ряд фактических неточностей. Однако указанные оппонентами недочеты, по их мнению, не являются существенными, не снижают общей ценности работы и могут быть легко устранены при подготовке ее к опубликованию, чего она вполне заслуживает. Диссертантке присуждена искомая степень.

О. Корбе

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЯХ ДАГЕСТАНСКОЙ И СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АССР

В августе 1948 г. Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР провел обследование работы музеев Дагестанской и Северо-Осетинской АССР. В ознакомлении с идейно-теоретическим уровнем экспозиции музеев и в обсуждении ее содержания приняли активное участие представители местных советских и партийных организаций и научной общественности. В результате работы в заключениях по проверке экспозиции были указаны достижения музеев, недостатки экспозиции и пути их устранения.

Экспозиции краеведческих музеев Дагестанской и Северо-Осетинской АССР в значительной степени строятся на этнографических материалах. Музей краеведения ДАССР создан в 1925 г., в настоящее время он имеет 25 тысяч экспонатов. В числе этих экспонатов имеются археологические и этнографические коллекции, исторические экспонаты и документы, современные вещевые экспонаты, документы и фотографии, а также значительный фонд картин, среди которых картины известных художников (Рубо и др.). Экспозиция музея состоит из отделов — природы, истории, социалистического строительства и Великой отечественной войны.

В 1947—1948 гг. музеем была проведена работа по реэкспозиции исторического отдела согласно «Примерной тематической структуре для краеведческих музеев», изданной в 1946 г. Однако, проведя эту работу, музей не увязал «структуру» с конкретной историей Дагестана, в результате чего остался неразработанным ряд важнейших тем по истории местного края. Неработанностью и отсутствием в экспозиции ряда основополагающих тем — экономики (земледелие, скотоводство), классовой структуры, феодальной эксплуатации крестьянства, классовой борьбы и других тем — являются коренными недостатками исторического отдела. Неработанностью этих тем приводит к тому, что многие исторические и этнографические материалы остаются необъясненными. Важнейшая задача исторического отдела — показ истории трудящихся масс — остается неразрешенной. Просмотрев экспозицию, посетитель не может уяснить, каковы были основные занятия народов Дагестана, какие орудия производства существовали на протяжении их многовековой истории. В разделе — Дагестан в XVIII в. — музей попытался разработать тему — классы и классовые отношения, однако экспонированные материалы не раскрывают темы. Здесь дан текст с перечнем существовавших к концу XVIII в. феодальных образований и две-три фотографии дагестанских феодалов, но тема остается неразработанной. Не показана классовая структура, нет материалое по эксплуатации крестьян и классовой борьбе в Дагестане вплоть до второй половины XIX в. Лишь для второй половины XIX в. даны материалы по одному из крестьянских восстаний. Отсутствие важнейших тем приводит к тому, что экспозиция этого раздела разработана не марксистски, не научно. Музей не занимается собиранием и изучением орудий производства, в частности, в музее нет ни в экспозиции, ни в фондах пахотных и других сельскохозяйственных орудий, за исключением молотильной доски и мотыги. Известно, что у народов Дагестана с древнейших времен были развиты кустарные и домашние промыслы. Музей располагает богатыми коллекциями по металлообрабатывающим производствам, по обработке дерева, шерсти, по гончарному производству и т. д. Однако интересные коллекции поданы в экспозиции без всякой научной разработки. Ни одно из перечисленных выше производств не